

14 июля 1939 г. № 56 (636)

«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО»

1904

А. П. ЧЕХОВ

1939

Актер и драматург

Начало знакомства Владимира Николаевича Давыдова с А. П. Чеховым относится к периоду его работы в театре Ф. А. Корша в Москве (1886—1888); здесь во время постановки чеховской пьесы «Иванов» В. Н. Давыдов и сблизился с А. П. Чеховым.

«Давыдов стал бывать у нас запросто, — сообщил пишущему эти строки брат писателя, Михаил Павлович Чехов. — Впервые у нас (на Кудринской Садовой в д. Корнеева) он прочел на разные голоса только что выпущенную тогда в свет толстовскую «Власть тьмы», рассказывал случаи из своей жизни, представлял балерин и прочее...»

О том же посещениях В. Н. Давыдова писал и сам А. П. Чехов к И. И. Щеглову в январе 1888 года:

«Третьего дня был у меня Давыдов, прожил всю ночь и очень недурно читал кое-что из толстовской «Власти тьмы». Ему бы Акима играть...»

По утверждению Михаила Павловича, В. Н. Давыдов отличался даром угадывать молодые дарования. Поэтому, служа у Корша, он сразу и ухватился за Чехова. К тому же он все время жил в Петербурге, в Москву попал только на один сезон, и так как литературная слава Чехова стала создаваться именно в Петербурге, а не в Москве, то Давыдов явился к Коршу уже хорошо знакомым с Чеховым как с даровитым литератором. Так начались дружеские отношения между В. Н. Давыдовым и А. П. Чеховым, которые становились все более близкими и сердечными.

В своих письмах к А. П. Чехову, хранящихся в Отделе рукописей Восточной библиотеки имени В. И. Ленина, В. Н. Давыдов постоянно писал, что заставлял меня весьма и весьма часто переживать очень тяжелые минуты. В такие минуты являлся горячее желание бросить это дело (которое я, между прочим, так люблю) и уйти куда-нибудь подальше, — так, чтобы даже и не слышать о театре.

Невыразимо тяжело и грустно видеть, что из этого дела, которое я привык считать так высоко, которому придаю такое громадное воспитательное значение, здесь делается какое-то торговое предприятие, единственное назначение которого давать то бы то и стало наибольшее барыш. Для достижения этой цели всякие средства считаются пригодными, и в этом драме безудовольствия, превращенной в торговый рынок, не стыдился торговать таким хламом, как все те пьесы, которые до нынешнего дня составляли преобладающий элемент в репертуаре текущего сезона, лишь бы этот хлам давал хороший доход... (Из письма 15 января).

Владимир Николаевич был одним из первых, сразу оценивших новые формы чеховской драматургии, и главным исполнителем роли Иванова. Пьеса «Иванов» шла впервые в театре Корша 10 ноября 1887 года, вызвав ошеломленную и страстную критику — «целый концерт из полворота», как метко выразился один из корреспондентов А. П. Чехова.

Тогда же Антон Павлович написал однуактную пьесу «Кайхаса» или «Лебединая пьеса», которую, по сообщению Мих. П. Чехова, Давыдов сам поставил у Корша вскоре же после «Иванова».

По возвращении в Петербург В. Н. Давыдов, по предложению Чехова, играл роль Иванова и на сцене Александринского театра. О согласии участвовать в пьесе и своем отношении к ней Давыдов писал 15 января 1889 года:

«Относительно моего участия в Вашей пьесе «Иванов» скажу Вам, что я с величайшим удовольствием буду играть в ней такую роль, какую бы Вы мне ни назначили: пьеса мне очень нравится, и я от всей души желаю по мере моих сил способствовать ее успеху. А потому вполне предоставляю Вам решить, что мне в этой пьесе играть для того, чтобы «Иванов» прошел насколько возможно лучше. Если Вы найдете, что для пьесы выгоднее, чтобы я играл роль Иванова, я с удовольствием буду ее играть; если же Вы думаете, что пьеса более выиграет, если я буду играть Лебелева, я с немалым удовольствием возьмусь за исполнение этой роли».

Повторяю, что для меня всего важнее и дороже в этом случае успех Вашей пьесы; она вполне его заслуживает, и я от души желаю, чтоб «Иванов» сделался репертуарной пьесой. Итак, решите, что Вы найдете наилучшим, и поскорее сообщите Ваше решение».

Однако самая переработка «Иванова».

стилистическая и композиционная, сделанная А. П. Чеховым для постановки в Александринском театре, ее новая трактовка и новая редакция не удовлетворяли В. Н. Давыдова.

«Я еще несколько раз прочитал роль Иванова в новой редакции, — писал он, — и положительно не понимаю его теперь. Тогда Иванов был человек добрый, стремившийся к полезной деятельности, преследующий хорошие цели, симпатичный, но слабохарактерный, равно ослепленный, заслепленный неудачами жизни и средой, его окружавшей, больно, но сохраняющий еще образ человека, которого слово «полюбить» могло убить».

Иванов в новой редакции полусумасшедший, во многом отталкивающий человек, такой же пустомеля, как Боркин, только прикрывающийся личиной страданий, угрызениями совести и людям, которые будто его не понимают и не понимают, чертовый эгоист и кажется действительно, человеком себе на уме и нелепым делом, который в минуту неудачнейшей спекуляции застреливается. По крайней мере, на меня он производит такое впечатление.

Как друг, как человек, уважающий Ваш талант и желающий Вам от души всего благ, наконец, как актер, прослушавший искусство двадцать один год, я усердно прошу Вас оставить мне Иванова, каким он сделан у Вас в первой передаче, иначе я его не понимаю и боюсь, что правильно. (Подчеркнуто в тексте письма самим автором. — И. Ф.). Дар Вам слово, что это не каприз, а чистосердечное объяснение и желание как Вам, так и себе добра.

Если почему-либо нельзя исполнить мою просьбу, то я готов с большим удовольствием играть Косяк, чем Иванова».

Простите, что так ничу, болеть мешают хорошие выпады пером. Надеюсь, что Вы не посудите на меня за мое откровенное дружеское послание. Жму крепко Вашу руку. Жду ответа. Ваш душой В. Давыдов».

Пьеса «Иванов» шла премьерой в Александринском театре 31 января 1889 года, при восторженном приеме публики и печати, и с каждым разом, по свидетельству артиста П. М. Сыродина, публика принимала ее все сильнее и сильнее; в отношении же трактовки героя автор остался непреклонен и, как всегда, принципиален.

В дальнейшем переписка и встречи В. Н. Давыдова с А. П. Чеховым становились реже, но хорошие, дружеские отношения между ними остались на всю жизнь.

Ив. ФЕДОРОВ

А. П. Чехов в 1902 году

Писатель среди художников

В ряду многочисленных знакомств Антона Павловича Чехова большое место занимает художники. Знакомство с ними началось со времени приезда Чехова в Москву и поступления в Московский университет осенью 1878 года.

Еще будучи студентом, А. П. Чехов начал втягиваться в среду художников и литераторов, говоря, что «вся московская живописующая и рафаэлевская юность ему приятельски знакома». Это знакомство произошло, с одной стороны, благодаря брату Николаю, учившемуся в Училище живописи, ваяния и зодчества (его работы, разбросанные по многочисленным журналам, обращали на себя внимание в 80-е годы); с другой стороны, благодаря личной общности самого Антона Павловича.

Братья Левитаны, М. М. Чехоманов, А. А. Хотяничева, А. Янов, архитектор О. Ф. Пехтерев, — все они находились в дружеских отношениях с А. П. Чеховым. Среди них, как Левитан, Хотяничева, Шкеллер, неоднократно встречались с ним в Бакинском, Ницце, Москве, состояли даже в интимной переписке, другие, как М. М. Чехоманов, А. Янов, совместно работали как гроши в иллюстрированных юмористических журналах; Антон Павлович помещал в них не только свои рассказы, но придумывал и самые темы и тексты к рисункам, а иногда даже сам фигурировал в некоторых рисунках брата Николая.

Позднее, по окончании университетского курса, А. П. Чехов посещает в Париже М. М. Антокольского и получает от него для своего будущего музея в Таганроге овал из гипса «Последний вздох», который находит «сверх совершенства в художественном отношении». А. П. Чехов зарисует О. Брану, причем свой портрет написанный им, находит нейтральным: «Что-то есть в нем не мое и не чего-то моего».

Чехов следит за искусством, посещает выставки и нередко в письмах высказывает свое мнение о том или другом художнике. Каравин, например, определенно не нравился А. П. Чехову: «Он недоделанным олицетворением до умиления. Высшую точку получил Крамской: «Какой умилен. Если бы он был писателем, то писал бы непременно длинно, оригинально и искрено, и я желаю, что он не был писателем».

Левитана Чехов считал «лучшим пейзажистом».

В морозные зимние вечера Антон Павлович заходил в тусклую мастерскую на Первой Мещанской, где работали его брат Николай, Исмак Левитан и В. Сивов, изготавляя декорации для «Фауста» по заказу частной оперы Мамонтова. А. П. Чехов приходил к ним, завязывались бесконечные беседы, и чеховский юмор аставлял забывать и сон, и усталость.

С художником А. С. Киселевым семья Чеховых познакомилась летом 1891 года в Боткинском, именин Колосовского, близ Алексин. «Это было, — как сообщила нам Мария Павловна Чехова, — только личное знакомство, потом — редкие свидания».

Киселев писал в Богинимове этюды, а по вечерам совершал вместе с А. П. Чеховым прогулки и философствовал.

Знакомство с И. Е. Репиным было более прочное и давнее. Они, из первых встреч Чехова с Репиным произошло в 80-х годах, когда писатель навестил художника в его студии у Калининна моста (вероятно, в 1887 году).

— Положительный, трезвый, alvorный, он мне напомнил тургеневского Вазарова, — говорил о Чехове И. Е. Репин. — И как-то раз, сидя у меня, он увлекся воспоминаниями своей практики земского врача. Нарисовал несколько живописных картин в деревнях, когда он явился туда на вскрытие трупов скоропостижно умерших».

О Чеховым выделял Репин и в содружестве «Литературного общества», когда ему удалось сделать с писателя «очень удачный», по его словам, набросок. К сожалению, этот набросок до сих пор не разыскан.

И. Е. Репин был очень расположен к А. П. Чехову и свое отношение к нему выражал так:

«Тонкий, неутомимый чисто русский анализ преобладал в его глазах над всем выраженным глупа. Враг сантиментов и выспренних увлечений, он, казалось, держал себя в мушкетерской холостой брони и о удовольствиям чувствовал на себе колючую мушкетера. Мне он казался несокрушимым силачом по складу тела и души».

Будучи усердным читателем Чехова, И. Е. Репин высоко ставил его как писателя.

«Как и Вам благодарен, многоуважаемый Антон Павлович, за Вашу «Палату № 6», — писал в одном письме Репин. — Какая странная сила впечатлений подымается из этой вещи! Даже просто непонятно, как из такого простого, неаффектированного, совсем даже бедного по содержанию рассказа выдвигается в конце такая потрясающая, потрясающая и колоссальная идея человечества!»

Да нет, куда мне оценивать эту чудную вещь... Я поражен, ораваю и рад, что я еще не в положении Андрея Ефимовича... Да много идет чапа сия!! Спасибо, спасибо! Какой Вы олимп!! Дай бог Вам здоровья и еще когда-нибудь порадовать нас чем-нибудь подобным. Вот это так вещь...»

Получив от А. П. Чехова его «Чайку», Репин пишет:

«На она составляет мое восхищение и Вашем творчестве. «Моя жизнь» — вот что тронуло меня и произвело глубокое впечатление. Какая простота, сила, неожиданность: этот серый обаятельный тон, это прозаическое мифопоэтическое является в таком новом увлекательном освещении, так близка душа делается вся эта история. Действующие лица становятся родными и их жалю до слез... И как это ново! Как оригинально! А какой язык — библейский...»

А. П. Чехов, в свою очередь, симпатизировал И. Е. Репину и очень высоко оценивал его как художника.

«Если говорить о рангах в русском искусстве, — писал А. П. Чехов в одном из писем, — то Чайковский занимает теперь второе место после Спаса Толстого, который давно уже спит на пером. Третье место я отдаю Репину, а себе беру 0-е».

Познакомившись с письмами Крамского, А. П. Чехов особенно жалел, что быльисты и драматурги недостаточно знают и изображают художников. «Как мало и плохо они и публике знают русского художника, — писал Чехов в 1888 г. — Я не думаю, чтобы Крамской был единственным; вероятно, в мире Репинских и Баклановичей найдется немало замечательных людей».

И. СМОЛЯТИЧ

¹ Бакланович — художник академического направления русской живописи.

И. Е. Репин. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Мужики». (Чеховский музей)

Законы сцены

Чехов оставил нам не только ряд замечательных пьес, но и ряд тонких и острых мыслей о драматургии, о мастерстве и психологии писателя, поклоняющегося свой тихий кабинет для шумного и беспокойного мира подмошток. Как у Гоголя, как у Пушкина, у него была не только своя оригинальная драматургия, но и своя драматургическая поэтика, которой он руководствовался в работе.

Прежде всего Чехов остро чувствовал разницу между беллетристичекой и драматургией. «Можно быть прекрасным беллетристом и в то же время писать самолюбивые пьесы», — замечает он в письме к А. Н. Плещеву. О том, что он понимал «чорта за хвост», сообщил он в письме к А. С. Суворину, говоря об одном из своих драматургических опытов.

Этого театрального «чорта», как известно, необходимо у усердно ловили за хвост на Балале — Балала, Жюль Салд, Фюбер, Мопассан, Гюгюв, Золя, и у нас — Тургенев, Лесков, Писемский и другие классики литературы. Но никто из них не связал свое имя с театром так неразрывно, как Чехов.

2

К драматургическому мастерству Чехов шел через много сомнений, колебаний, искания и опыта. Его ранние работы как водевилля были чрезвычайно удачны и сопровождалась шумным успехом, но к водевилю он был подготовлен всем опытом фельетонной работы в «Будильнике» и «Осколках», в которых печатаемые там пародии на популярные пьесы были близки по технике диалогов к водевиллю жанру. Из таких чеховских пародий наиболее удачны «Скорострельная конская смерть» или ревелюция русского народа», в которой в 37 строчках даны и завязка, и перипетия, и развязка, и заключительная сентенция многочисленных изданий драмоделов типа «Ахатиев Тарантуловых».

Вот почему о такой легкости и точности Чехов в письме к А. С. Лавренчу-Грушинскому сформулировал основные законы построения водевилля: пьеса: 1) «Однородная картина», 2) каждая роль должна быть характерной, 3) отсутствие диалогов, 4) непрерывное движение». И ввиду того, что задуманный Чеховым и Лавренчу-Грушинским водевиль «Гамлет, принц датский» предназначался для театра Корша, Чехов добавляет еще один пункт: «5) роли должны быть написаны для Гралова, Светлогорова, Шмиттофа, Киселевского, Соловцова, Ваванского, Валентинова, Кошовой, Красовской и Воробьихи».

Как видим, «легкость» работы Чехова над водевилем опиралась и на большой опыт фельетонной работы и на твердое знание законов этого жанра. Таким был Чехонте. Но таким был и Чехов.

3

Переход к большим пьесам был труден для Чехова не только потому, что здесь были другие формы, но и потому, что он хотел принципиально обновить эти формы и создать новый театр. «Чайка» Треплев говорит: «Современный театр — это рутина, предрассудок... Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно». Но огромная разнота была в поисках этих форм между Чеховым и декадентскими «новаторами» типа Соллогуба и Ремизова с их «Даром мудрых пчел» и «Бесовским действием». Чехов в своей драматургии весь был на высоте, и крепкая реалистическая традиция Николая Гоголя и Шенкина, Тургенева и Давыдова связывает его театр органически со всем развитием русской сцены, несмотря на новизну его исканий и опытов. Именно это позволило ему не только сочувственно встретить театр Горького, но и содействовать его созреванию, как драматурга. В письме к Горькому Чехов пишет в марте 1900 г. о Художественном театре: «Вам надо побольше походить к этому театру и присмотреться, чтобы написать пьесу. А вот, если бы Вы побывали на репетициях, то Вы бы еще более навестились. Ничто так не знакомит с условиями сцены, как бестолковщина, происходящая на репетициях».

Вот слова, совершенно немалые хотя бы в устах Флобера, который хотел, сидя в своей «берлоге» (Иртассе), создавать пьесы для драматургии.

Чехова, наоборот, неудержимо привлекал этот беспокойный актерский мир, и он писал брату: «После того, как актеры сыграли моего Иванова, все они представляются мне родственниками... Я не могу забыть, что Стрепетова плакала после третьего акта и что все актеры от радости буждвали, как тени». Так же любил Чехова и актеры. Не говоря уже о «выблуженности» в него всех актеров Художественного театра, достаточно вспомнить: по-жизно-дружеское отношение к нему Давыдова, Варламова, Комиссаржевской, Ленского и др.

Подобно Гоголю и Островскому, Чехов не мыслил себе пьес без постановки ее на сцене. И не только без постановки, но и без окончательной сценической редакции, созданной совместно с театром. «Они-ни мне хоть одну репетицию «Грех сестры», — пишет он О. П. Книппер, — не нужно ли что прибавить или убавить? Упомянув Горького относительно постановки его «Мещан» на сцене МХАТ, Чехов пишет ему: «Как жаль, что я уезжаю! Я бы сидел на репетициях вашей пьесы и писал бы вам все, что нужно».

В практике Чехова-драматурга были случаи, когда он перерабатывал свои пьесы

даже после премьеры. Так было с «Ивановым», так было с «Лешим», которого он переделал в «Дядю Ваню». О первой из этих пьес он писал А. Н. Плещеву во время работы над новой редакцией: «Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемости, отщиповал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить ее словами Кина: «Палками Иванова, палками!»

Свой мысли о драматургической технике Чехов подробно изложил в письмах к брату Александру Чехову, помогавшему в написании пьес: «Пьеса никогда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя... Людьми давай людей, а не самого себя... Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и ясен... Память, кстати, что любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовы, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны... Сюжет должен быть, но а фабула может отсутствовать... Не торопись ни о цензуре, ни о постановке... Первый акт может тянуться хоть целый час, но остальные не дольше 30 минут...»

Так складывалась — из практики, из объяснения с театрами, с актерами, из опыта первых водевилейных постановок, из пристального внимания к театрам во время фельетонно-рецензентской работы в журналах — театральная поэтика Чехова, значительно облегчающая ему работу над обновлением русской сцены новыми приемами драматургического письма.

4

Готовность Чехова работать вместе с театром над окончательной редакцией своих пьес отнюдь не означала принятия им целиком приемов и манеры режиссуры и игры даже в Художественном театре, не говоря уже об Александринском, в котором он сразу же на первых репетициях «Чайки», по свидетельству Евтихия Карповича, часто перебрал актеров и говорил им: «Гляньте, голубчики, не надо газетных новостей... Просто все надо... Совсем просто. Они все простые, заурядные люди...»

Но и в Художественном театре не все так гладко и торжественно-триумфально протекало в постановках пьес Чехова, как это иногда изображают некоторые биографы театра. Сменила была попытка «Театра и искусства» (1909, № 27) —дополнительно права МХАТ — доказать, что Чехов ничем якобы не обязан был этому театру: по все же даже перед лицом замечательной режиссуры Станиславского и Немировича-Данченко Чехов никогда не слывал своим художественным познанием и иногда бурно протестовал против их увлечений.

Так раскрывается тема об отношении Чехова к проблемам, технике и приемам драматургии. Горький в своих письмах к нему заставлялся, какой огромный урок он извлек для себя из общения с Чеховым-драматургом. Есть чему поучиться у него и новому советскому драматургическому поколению.

М. ЗАГОРСКИЙ